

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ И ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

Г. Г. Белоконь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 сентября 2009 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема дифференциации уголовной ответственности за вред, причиненный при превышении пределов крайней необходимости и при нарушении условий правомерности этого состояния. Дается понятие превышения пределов необходимости и вносятся предложения об установлении специальных правил назначения наказания за такие преступления. Анализируются мнения различных авторов и делаются выводы по вопросу исключения из состояния крайней необходимости определенного перечня деяний, причинивших вред охраняемым интересам. В связи с этим предлагается введение примечания к статье о крайней необходимости.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, специальные правила назначения наказания, устранение опасности, превышение пределов необходимости, нарушение условий правомерности, уклонение от выполнения обязанности, виновное создание опасности, изъятие органов или тканей.

Abstract: the article is dedicated to the problem of the differentiation of criminal responsibility for the exceeding of the limits of the extreme necessity and the violation of the conditions of legitimacy of this state. The notion of the exceeding of the limits of necessity is given and a suggestion is put forward to abort special rules to set punishment for such crime. The opinions of some authors are analysed and conclusions are made about the exclusion from the state of extreme necessity a certain member of offences doing harm to legal interests. The introduction of some amendments to the article of extreme necessity.

Key words: differentiation of criminal responsibility, special rules of setting punishment, eliminate danger, exceeding the limits of necessity, violation of legitimate condition, deviation of fulfilling duties, creation of danger, removal of organs.

В настоящее время дифференциация уголовной ответственности признается основным направлением российской уголовной политики. Стремление в разумных пределах формализовать судебное усмотрение проявляется и в попытках законодательного уточнения пределов общественно полезного и правомерного поведения при реализации права или обязанности в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния. В этом плане в уголовном законе наибольшей корректировке подверглась статья о необходимой обороне, требующая не только правильного ее применения уполномоченными лицами правоохранительных органов, но и доступного понимания ее содержания частными лицами. Вместе с тем законодатель незаслуженно оставляет без внимания

все чаще предпринимаемые в последние годы в научной литературе попытки совершенствования института крайней необходимости. В связи с этим хотелось бы высказать свои суждения по вопросу возможной дифференциации уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии крайней необходимости и при превышении ее пределов, а также, не претендуя на окончательную завершенность, внести предложения по совершенствованию конструкции ст. 39 УК РФ.

В литературе высказывались предложения о необходимости выделения видов умысла в субъективном критерии превышения пределов крайней необходимости. По мнению Ю. В. Баулина, при эксцессе крайней необходимости речь может идти только о вине в виде прямого умысла, а косвенный умысел исключается, ибо субъект не может не желать причиняемого им вреда, поскольку он является ближайшей целью его действий¹. Думается, что данная точка зрения не соответствует фактическим реалиям. В этой ситуации лицо желает причинить вред (без этого вообще невозможно состояние крайней необходимости), но не желает причинения равного или большего вреда, а лишь сознательно это допускает или относится безразлично. Отрицание возможности совершения эксцесса крайней необходимости с косвенным умыслом приведет к исключению уголовной ответственности за такие действия, наряду с причинением вреда по неосторожности, что нельзя признать обоснованным.

В. Ф. Антонов связывает правовое значение деления умысла на виды при эксцессе крайней необходимости с защитой интересов третьих лиц. Прямой умысел в этом случае свидетельствует о симуляции состояния крайней необходимости, и тогда представление о возможности превышения пределов крайней необходимости абсурдно по содержанию². Действительно, подобные примеры возможны, но это не должно являться правилом для такой уголовно-правовой оценки и тем более основанием для законодательной регламентации.

Конкретное предложение о законодательном закреплении видов умысла при превышении пределов крайней необходимости с вытекающей из этого уголовно-правовой оценкой действий лица внесли В. Морозов и Г. Хаметдинова. Поддерживая мнение о возможности введения привилегированных составов преступления за превышение пределов крайней необходимости в Особенной части УК РФ, они предлагают квалифицировать таким образом только действия лиц, совершенные с косвенным умыслом. Ответственность за превышение пределов крайней необходимости, совершенное с прямым умыслом, должна наступать на общих основаниях с учетом положения п. «ж» ст. 61 УК РФ³.

¹ См.: Баулин Ю. В. *Обстоятельства, исключющие преступность деяния*. Харьков, 1991. С. 325—326.

² См.: Антонов В. Ф. *Крайняя необходимость в уголовном праве* : монография. М., 2005. С. 58.

³ См.: Морозов В., Хаметдинова Г. *Некоторые аспекты уголовной ответственности при превышении пределов крайней необходимости* // Уголовное право. 2006. № 1. С. 56.

Нельзя сказать, что данное предложение позволит решить проблему квалификации действий, выходящих за пределы крайней необходимости, так как фактическое выполнение таких привилегированных составов преступлений возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом и это устанавливается в каждой конкретной ситуации, а не признается априори. Если же авторы имели в виду указание в диспозиции статей на выполнение этих привилегированных составов преступлений только с косвенным умыслом, то, во-первых, это не позволит признать превышением пределов крайней необходимости выполнение таких составов с прямым умыслом, а во-вторых, будет противоречить диспозициям основных составов этих умышленных преступлений (например, по ст. 105 УК РФ придется квалифицировать только убийство, совершенное с прямым умыслом).

Вообще вопрос о введении привилегированных составов преступлений за причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости в Особенной части УК РФ является спорным. С. В. Пархоменко считает, что основания для этого имеются по аналогии с превышением пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, но при условии охвата более широкого спектра уголовно наказуемых последствий превышения пределов и установления более суровых санкций, чем в ст. 108 и 114 УК РФ, что позволит принимать единообразное решение об ответственности⁴. Но при этом не конкретизирует, какие составы могли бы войти в этот широкий спектр.

В. Морозов и Р. Шарапов предлагают ввести ответственность при превышении пределов крайней необходимости по конкретным составам за причинение смерти, тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, особо крупного имущественного вреда и существенного экологического вреда⁵. Но они оставляют открытым вопрос о привлечении виновных к ответственности в случаях причинения иного вреда.

В рамках ст. 37 и 38 УК РФ причинение вреда индивидуализировано и направлено на лицо, осуществляющее посягательство или совершившее преступление, и ограничено узким кругом объектов, которым причиняется вред (жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода, имущественные права). А при крайней необходимости ни по лицам, ни по объектам причинения вреда никаких ограничений нет. Следовательно, увеличение спектра таких составов возможно в пределах всей Особенной части уголовного закона, практически без ограничений. В связи с этим представляется правильным мнение В. В. Орехова, что в Особенной части УК РФ невозможно предусмотреть все случаи со-

⁴ См.: Пархоменко С. Уголовно-правовая регламентация превышения пределов крайней необходимости // Уголовное право. 2004. № 2. С. 50.

⁵ См.: Морозов В., Шарапов Р. О понятии превышения пределов крайней необходимости. Человек: преступление и наказание // Вестник Рязан. ин-та права и экономики МВД России. 1995. № 4. С. 27—30.

вершения преступлений, связанных с умышленным превышением пределов крайней необходимости. Факт совершения преступления при указанных условиях предлагается учитывать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «ж» ст. 61 УК РФ)⁶.

Однако в данном случае неточность законодательных формулировок, на наш взгляд, не позволяет это сделать. В п. «ж» ст. 61 УК РФ говорится о нарушении условий правомерности крайней необходимости, а не о превышении ее пределов. Условия правомерности крайней необходимости, так же, как и необходимой обороны, регламентируют возникновение, существование и прекращение этого состояния, а не его объем. Нельзя превысить то, чего нет. Если же пределы крайней необходимости превышены при психическом или физическом принуждении, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, то в п. «е» ст. 61 УК РФ просто говорится о совершении преступления в результате такого принуждения, без указания на нарушение условий правомерности или превышение их пределов.

Сложившаяся ситуация оставляет за границей законодательной регламентации причинение вреда при превышении пределов крайней необходимости и приравненного к этому состояния физического и психического принуждения. Высказанное в литературе предложение И. Э. Звечаровского о квалификации в этих случаях действий виновных по обычным статьям Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 2 ст. 39 УК РФ само по себе не решает проблему⁷.

В 2005 г. нами предлагалось в виде варианта решения указанной проблемы введение в уголовный закон понятия превышения пределов необходимости как универсального, относящегося ко всем обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, естественно с установлением границ этих пределов применительно к каждому конкретному обстоятельству в соответствующих статьях УК РФ⁸. Такое превышение пределов должно наказываться в уголовном порядке по специальным привилегированным составам преступлений или на общих основаниях, но по специальным льготным правилам назначения наказания. В связи с этим глава 8 УК РФ могла бы заканчиваться самостоятельной статьей 42-1 следующего содержания:

«Статья 42-1. Превышение пределов необходимости.

1. Превышение пределов необходимости при реализации права или обязанности на необходимую оборону и задержание лица, совершившего преступление, влечет ответственность только в случаях, специ-

⁶ См.: Попов А. Н. Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. СПб., 1998. С. 33; Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. СПб., 2003. С. 137.

⁷ См.: Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 2001. С. 239—240.

⁸ См.: Белоконов Г. Г. Превышение пределов необходимости в уголовном праве // Угол. право и криминол. : совр. сост. и персп. разв. : сб. науч. трудов. Воронеж, 2005. Вып. 1. С. 19.

ально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

2. Превышение пределов необходимости при реализации права или обязанности на крайнюю необходимость, а также при физическом или психическом принуждении, обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения влечет ответственность на общих основаниях, но по специальным правилам назначения наказания».

Соответственно глава 10 УК РФ могла быть дополнена отдельной статьей, регламентирующей назначение наказания по льготным правилам, как это предлагалось, например Е. Г. Веселовым⁹:

«Статья 65-1. Назначение наказания при превышении пределов необходимости обстоятельств, исключающих преступность деяния.

1. Срок или размер наказания лицу, совершившему преступление при превышении пределов необходимости в состоянии крайней необходимости, физического или психического принуждения, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения, не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказания не применяются, а наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

2. При назначении наказания по совокупности преступлений или по совокупности приговоров вид, срок или размер наказания назначаются по правилам, предусмотренным ст. 69 и 70 настоящего Кодекса».

В данных случаях действия лица должны квалифицироваться по статьям Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 42-1 УК РФ, а наказание назначаться по правилам, предусмотренным ст. 65-1 УК РФ.

Причинение же вреда при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физического или психического принуждения, обоснованного риска, исполнение приказа или распоряжения следует рассматривать как обстоятельство, смягчающее наказание, в соответствии со ст. 61 УК РФ.

Четкая дифференциация понятий превышения пределов необходимости и нарушения условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, на наш взгляд, позволит правильно квалифицировать действия лиц, причинивших вред при реализации права или обязанности в рамках данных обстоятельств, решить вопрос об их уголовной ответственности и назначить справедливое и обоснованное наказание.

Введение законодательной новеллы, предусмотренной ст. 42-1 УК РФ, позволит решить еще одну проблему, связанную с повышением возра-

⁹ См.: Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 22.

ста уголовной ответственности лиц, превысивших пределы крайней необходимости. В. В. Козак обосновывал это возрастными особенностями несовершеннолетних, преступивших границы дозволенного поведения, а также наличием одновременно двух смягчающих обстоятельств: несовершеннолетие виновного и превышение пределов крайней необходимости¹⁰. Действительно, если законодатель предусмотрел уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, с 16 лет (так как способность 14—15-летнего подростка объективно оценить правомерность своего поведения вызывает сомнение), то есть все основания отнести эти требования и к превышению пределов крайней необходимости, и к приравненному к этому состоянию психического или физического принуждения, и к другим обстоятельствам, исключающим преступность деяния. В этих случаях речь тоже идет о способности лица оценить характер и степень общественной опасности своих действий по отношению к внешним источникам воздействия.

Сделать это можно путем внесения уточнений:

1) в общие законодательные положения о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, например, дополнив ч. 2 ст. 20 УК РФ словами: «...за исключением ситуации, когда данный вред причинен при превышении пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния в соответствии с ч. 2 ст. 42-1 УК РФ»;

2) или в специальные законодательные положения об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних, например, дополнив ст. 87 УК РФ ч. 3 следующего содержания: «Лица, достигшие четырнадцатилетнего возраста ко времени совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ, не подлежат уголовной ответственности, если причинили вред при превышении пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния в соответствии с ч. 2 ст. 42-1 УК РФ».

Вместе с тем тенденция к расширению правомерных пределов состояния крайней необходимости ни в коем случае не должна приводить к оправданию причинения вреда с формальным соблюдением условий этого состояния, но при наполнении его отрицательным по своей сути содержанием, не соответствующим ни духу, ни букве закона. В теории уголовного права выделяют несколько таких ситуаций.

Первая ситуация связана с действиями лиц, на которых возложены обязанности по предотвращению или устранению опасности, угрожающей правоохраняемым интересам, если они их не выполняют из-за опасения за свою жизнь или здоровье, ссылаясь на состояние крайней необходимости.

В ч. 3 ст. 31 УК Литовской Республики однозначно предусмотрено, что в данном случае «лицо не может оправдать неисполнение своих обязанностей пределами крайней необходимости». Тем самым литовский

¹⁰ См.: Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 118—119.

уголовный закон не оставил никакой альтернативы для сохранения жизни или здоровья лиц, обязанных действовать в экстремальной ситуации, если очевидна их неминуемая гибель вместе с другими лицами. Как правило, в конкретной жизненной ситуации решение о приостановлении работ по устранению опасности, во избежание неминуемой гибели профессиональных сотрудников спасательных служб, принимается их руководителями. В связи с этим заслуживает внимания предложение С. В. Пархоменко специально оговорить, что эти лица были обязаны действовать в установленном законом порядке, но виновно уклонились от выполнения своих обязанностей¹¹.

Установленный законом порядок может предусматривать возможность прекращения спасательных работ. Остается лишь уточнить, что обязанность действовать может быть возложена на субъекта как законами, так и подзаконными нормативными актами, взаимными договорными обязательствами, а также в силу иных причин. Например, в случае постановки другого лица в опасное для жизни или здоровья состояние своими действиями. Поэтому целесообразнее говорить вообще о нормативных правовых актах, включающих в себя все возможные варианты возложения на лицо обязанностей. Кроме того, указание на виновное уклонение от выполнения обязанностей предусматривает возможность исключения уголовной ответственности лица, когда это связано с несоответствием психофизиологических качеств субъекта требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. В этом случае в отличие от превышения пределов крайней необходимости у лица нет желания или сознательного допущения, либо безразличного отношения к последствиям своего бездействия, просто оно не может их предотвратить в силу обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 28 УК РФ.

Вторая ситуация связана с устранением лицом вреда, опасность которого была создана его предшествующим поведением, что в теории уголовного права иногда именуется провокацией или симуляцией состояния крайней необходимости. Предложения по правовой оценке этого состояния сводились, в основном, к установлению виновности в целом или ее форм в отдельности в действии или бездействии лица, создавшего опасность, или принадлежности интересов, поставленных в опасность.

Н. Н. Паше-Озерский считал, что если лицо совершает определенные действия умышленно с целью создания опасного положения, то ссылка на состояние крайней необходимости будет лишена всякой юридической силы, а неосторожное создание опасности исключает уголовную ответственность¹². Законодательная регламентация этого предложения в настоящее время в какой-то мере нашла свою реализацию в ч. 2 ст. 31 УК Литовской Республики, предоставляющей лицу возможность «опираться на положения о крайней необходимости лишь в том случае, если

¹¹ См.: Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 254.

¹² См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 152.

опасная ситуация была создана им по неосторожности». По мнению С. В. Пархоменко, такое состояние полностью вписывается в определение понятия крайней необходимости и не требует специального законодательного оформления, однако деяние лица, предшествующее возникновению состояния крайней необходимости, при наличии признаков его уголовной противоправности должно оцениваться самостоятельно¹³.

Нельзя сказать, что такие предложения позволяют однозначно решить поставленную проблему. Во-первых, литовский уголовный закон не приравнивает ситуацию создания лицом опасности по неосторожности к состоянию крайней необходимости, а лишь указывает, что лицо может опираться на эти положения закона. Значит, окончательное решение в каждом конкретном случае останется за правоприменителями, что может привести к неоднозначной трактовке этого вопроса в судебной практике.

Во-вторых, если деяние связано с состоянием неудавшейся крайней необходимости, то возникает парадоксальная ситуация, когда лицо могут привлечь к уголовной ответственности за причинение по неосторожности не устраненного вреда (при наличии признаков его уголовной противоправности) и не привлекают за умышленное причинение вреда третьим лицам.

Н. С. Таганцев полагал, что лицо может оправдываться необходимостью, «хотя и вызвало опасность своими действиями, но при таких условиях, что оно не только не предвидело, но и не могло предвидеть этой опасности»¹⁴, т.е. действовало невиновно. Возможность распространения положений статьи о крайней необходимости на такие ситуации только в случаях создания лицом опасности невиновно в настоящее время поддерживается Э. Ф. Побегайло¹⁵. Надо отметить, что и судебной практике известны случаи непризнания состоянием крайней необходимости действий субъекта, причинившего вред третьим лицам во избежание причинения вреда другим правоохраняемым интересам в результате своих неосторожных действий. Например, водитель мотоцикла, превысивший скорость движения и легкомысленно рассчитывавший показать свое мастерство вождения девушке, ехавшей с ним в качестве пассажира, выехал для обгона на встречную полосу движения, не убедившись в безопасности маневра, а затем, во избежание столкновения со встречным транспортным средством, свернул на обочину. В результате падения здоровью девушки был причинен тяжкий вред. Водителя мотоцикла признали виновным и осудили по ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Неприменение положений о крайней необходимости в приведенном случае, на наш взгляд, объясняется не столько тем, что опасность

¹³ См.: Пархоменко С. В. Указ. соч. С. 253—254.

¹⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 216.

¹⁵ См.: Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. М., 2000. С. 302.

была создана виновно, сколько тем, что самонадеянный расчет на предотвращение относился не только к своим действиям по созданию опасности, но и к ее устранению. При таких обстоятельствах лицо просто выполняет по неосторожности единый состав преступления, а не устраняет возникшую от его действий опасность в состоянии крайней необходимости.

В. Ф. Антонов предлагает решить указанную проблему на основе классификации состояний крайней необходимости в зависимости от того, себя лично (личная крайняя необходимость) или других лиц (общая крайняя необходимость) поставил в опасность своим поведением субъект. В первом случае лицо должно нести уголовную ответственность на общих основаниях, во втором — применяются правила крайней необходимости. Однако, понимая небесспорность своих предложений, автор уточняет, что при личной крайней необходимости не всегда умышленное создание опасности, угрожающей своим интересам, исключает ссылку на законодательство о крайней необходимости. Например, лицо с целью самоубийства выпило яд, а затем, раздумав, с целью достать противоядие совершило кражу¹⁶.

Заслуживает внимания утверждение названного автора о том, что при общей крайней необходимости виновное создание опасности, угрожающей другим интересам, является основанием для применения правил крайней необходимости. Привлечение в этом случае к уголовной ответственности не стимулирует граждан к предотвращению преступных последствий от своих деяний, противоречит теории добровольного отказа и социальному смыслу института крайней необходимости¹⁷. Но следует уточнить, что добровольный отказ будет иметь место, если лицо создало опасность непреступными действиями (бездействием) и в дальнейшем отказалось их продолжать для достижения преступного результата. В случае создания опасности преступными действиями (бездействием) имеет место деятельное раскаяние по устранению последствий преступления. Например, лицо, причинившее тяжкий вред потерпевшему, угоняет автомобиль для доставления его в больницу и таким образом спасает жизнь.

Может ли деятельное раскаяние по устранению преступных последствий само быть преступным, или в этом случае теряется его смысл и значение? Надо ли в связи с этим ограничивать лицо, причинившее вред преступными действиями, в его праве на состояние крайней необходимости, если оно деятельно раскаивается в содеянном? Или надо обязать его привлечь в таких случаях посторонних лиц для устранения опасности, так как это полностью соответствует условиям правомерности состояния крайней необходимости? Например, в том же случае причинения тяжкого вреда здоровью, чтобы доставить потерпевшего в больницу, автомобиль угоняет по просьбе виновного другой человек.

¹⁶ См.: Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве : монография. С. 96—99.

¹⁷ См.: Там же. С. 98.

Думается, что деятельное раскаяние как особое смягчающее обстоятельство, позволяющее назначить наказание по специальным льготным правилам, предусмотренным ст. 62 УК РФ, можно учитывать повторно, так как первоначально оно учитывалось в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, являющегося общественно полезным по своему содержанию.

Вообще деление крайней необходимости на виды является в значительной степени условным. В конкретной жизненной ситуации может возникнуть состояние совместной личной и общей крайней необходимости. Например, водитель, выехавший на полосу встречного движения, создает опасность не только для себя, но и для водителя встречного транспортного средства, для своих и чужих пассажиров. В таких случаях необходимо руководствоваться общими положениями о состоянии крайней необходимости.

Проведенный краткий анализ предложенных в теории уголовного права критериев для установления правомерности деяния лица, создавшего опасность своим предшествующим поведением, показывает, что ни одного в отдельности, ни их совокупности недостаточно для полной и правильной юридической оценки создавшейся ситуации. Оценка указанного состояния зависит не только от наличия вины или ее форм и от принадлежности интересов, поставленных в опасность. Умышленное или по неосторожности создание лицом опасности, угрожающей только своим или иным правоохраняемым интересам, не может рассматриваться как правовое основание для признания или непризнания состояния крайней необходимости. Требуется еще установление единого виновного отношения лица к созданию опасности и к действиям по ее устранению, а также учет последующего поведения лица в виде добровольного отказа при непреступном создании опасности или деятельного раскаяния при преступном.

В данной связи обоснованным представляется утверждение В. В. Орехова о том, что уголовная ответственность в указанных случаях должна исключаться, если только опасность не была создана специально для оправдания причинения вреда ссылкой на крайнюю необходимость¹⁸. Поддерживает мнение относительно симуляции состояния крайней необходимости В. Ф. Антонов, называя это деятельностью по сокрытию следов преступления¹⁹. Не вызывает сомнения, что к таким действиям правила крайней необходимости не применяются и уголовная ответственность в этих случаях должна наступать на общих основаниях.

Таким образом, положения крайней необходимости не должны распространяться на деяния, совершенные лицом для устранения опасности, созданной им специально в целях оправдания причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

¹⁸ См.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 129.

¹⁹ См.: Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве : монография С. 99.

Предложения о возможной дифференциации уголовной ответственности в зависимости от единого виновного отношения лица к созданию опасности и к действиям по ее устранению, форм вины и ее видов, последующего поведения лица, а также учет ситуации неудавшейся крайней необходимости не представляется возможным рассмотреть в данной статье.

Третья ситуация связана с причинением вреда лицу, без его согласия, при изъятии органов или тканей в целях трансплантации для спасения жизни и здоровья других лиц. Действующий уголовный закон формально относит это к состоянию крайней необходимости, и поэтому никто не застрахован от принудительного донорства органов или тканей. Хотя в теории права справедливо отмечают, что человек не может быть объектом правоотношений, и его нельзя разобрать на части в интересах других лиц, но специфика уголовно-правовых отношений требует конкретизации этого положения. Именно поэтому в литературе высказывались предложения о нераспространении состояния крайней необходимости на случаи причинения вреда при трансплантации органов или тканей человека²⁰. Представляется правильным указание в законе на невозможность причинения смерти или вреда здоровью человека в результате изъятия без его согласия органов или тканей с целью спасения жизни или здоровья других лиц.

Описание ситуаций, не отвечающих содержанию понятия крайней необходимости, целесообразно детально отразить в примечании к ст. 39 УК РФ следующим образом:

«Примечания. Положения настоящей статьи не распространяются на деяния, совершенные:

а) лицом, обязанным в установленном нормативными правовыми актами порядке устранять опасность, непосредственно угрожающую правоохраняемым интересам, но виновно уклонившемся от выполнения такой обязанности;

б) лицом для устранения опасности, созданной им специально в целях оправдания причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам;

в) лицом в результате изъятия органов или тканей человека, без его согласия, с целью спасения жизни или здоровья других лиц».

²⁰ См.: Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 212; Тихонова С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации : вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 114; Крылова Н., Павлова Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 43.

Воронежский государственный университет

Белоконь Г. Г., старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета

E-mail: belokon@law.vsu.ru

Тел.: 8(4732) 20-82-59

Voronezh State University

Belokon G. G., Senior Teacher of the Criminal Law Department of the Law Faculty

E-mail: belokon@law.vsu.ru

Tel.: 8(4732) 20-82-59